

УДК 791.43.03

Л. Н. Мазур

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Конструирование революционного мифа в советском художественном кинематографе. 1917–1953 гг.

Liudmila N. Mazur

First President of Russia B. N. Yeltsin Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russian Federation

Designing the Revolutionary Myth: Soviet Feature Films of 1917–1953

Аннотация

Интерес к художественному кинематографу как историческому источнику в профессиональном сообществе историков стабильно растет. Обладая способностью отражения реальности через конструируемые образы, кинематограф способен дать достоверную информацию не только о фактах сознания и поведения, но и о событиях прошлого, правда в преобразованном виде, через призму представлений авторов кинопроизведения. Можно говорить о разных способах отражения реальности, свойственных кинематографу: документальном, реалистичном, фантазийном, романтическом и проч. Среди них особое место занимает мифологический способ отражения, который часто бывает связан с реализацией задач пропаганды и конструирования исторической памяти. Такие функции, в частности, выполнял кинематограф в раннесоветском обществе, когда на него были возложены задачи агитации и пропаганды новых социалистических ценностей и коммунистического воспитания. В статье рассматривается роль советского кинематографа в конструировании советского исторического мифа, в том числе революционного мифа «сотворения». Он составляет сердцевину мифологического цикла, включающего не только космогонические представления, но и этиологические (миф преобразования); эсхатологические (миф о конце света); миф о золотом веке. В совокупности они формируют мифологическую картину прошлого, настоящего

и будущего. На основе жанрово-тематического анализа фильмографии 1917–1953 гг. выделены основные этапы конструирования советского исторического мифа, его образная структура, а также трансформация образов под влиянием политико-идеологических процессов в советском обществе. В качестве исторического источника рассматривается массив художественных фильмов историко-революционного жанра, снятых в СССР в 1917–1953 гг. В общей сложности было проанализировано около 100 фильмов, из которых 18 фильмов посвящено событиям 1917 г. Автор выделены наиболее значимые произведения, определившие визуальный образный ряд и интерпретационные подходы к характеристике событий Октября 1917 г.

Abstract

Professional community of historians grows ever more interested in feature films as a historical source. Reflecting reality in designed images, films can provide reliable information concerning not only facts of consciousness and conduct, but also past events as transformed in the representation of film producers. There are several ways, in which reality is reflected in cinema: documentary, realistic, fantasy, romantic, etc. It is the mythological one that holds a special place, and is often associated with accomplishment of propaganda objectives and historical memory construction. In a point of fact, all these functions were performed by early Soviet films that were to promote new socialist values and those of communist education. The article examines the role of Soviet cinema in constructing Soviet historical myth, including the myth of revolutionary “creation.” This latter one lies in the core of the mythological cycle including cosmogonic, etiological (myths of transfiguration) and eschatological (myths of the end of days) myths, as well as the “myth of the golden age.” Taken together, they form a mythological picture of past, present and future. Drawing on genre and thematic analysis of the 1917–1953 films, the author identifies main stages in the construction of the Soviet historical myth, determines its image-structure and traces the transformation of the images under the influence of political and ideological processes in the Soviet society. Feature films of the historical-revolutionary genre produced in the USSR in 1917–1953 are studied as a historical source. In total, about 100 films have been analyzed, 18 of which are devoted to the events of 1917. The author identifies the more significant works, that have determined visual imagery and interpretative approaches to the characterization of the events of October 1917.

Ключевые слова

Историческая память, художественный кинематограф, исторический миф, революционный миф, этапы формирования, структура и образы исторического мифа.

Keywords

Historical memory, feature films, historical myth, revolutionary myth, stages of formation, structure and images of the historical myth.

Октябрьский переворот 1917 г., ознаменовавший приход к власти большевиков, был первым шагом в создании новой государственности. Для укрепления позиций РКП(б) были необходимы дальнейшие мероприятия, направленные на легитимацию революционной власти и претворение планов строительства коммунистического общества. Советский проект, реализованный в 1917–1930-е гг., сегодня многими историками оценивается как исторический эксперимент, результаты которого в целом не соответствовали первоначальным идеям и представлениям¹. Вместе с тем на обыденном уровне в сознании советского человека, в его *мифологической картине* мира противоречий не было. Во многом такой результат был достигнут благодаря целенаправленному социальному инжинирингу, работе огромной пропагандистской машины, подчинившей не только периодическую печать, систему образования, но и всю культурную сферу².

Созданный пропагандистской машиной советский миф представляет собой статичный образ прошлого, настоящего и будущего советского общества, опирающийся на веру. Он выполнял функции объяснения событий прошлого и настоящего, а также легитимации и сакрализации новой государственности. Советский миф был призван вытеснить и заместить в сознании людей религиозную/христианскую доктрину, объединить и сформировать новую советскую идентичность. Особое значение для конструирования коллективного сознания и памяти имели архетипические категории мифа: *космогонический* (миф сотворения); *этиологический* (миф преобразования); *эсхатологический* – они составляют основу представлений о прошлом и настоящем. С точки зрения самоидентификации важна также героическая и ностальгическая мифология (миф о золотом веке). В совокупности все они формируют мифологический цикл, обеспечивавший полноту восприятия прошлого во взаимосвязи с настоящим и будущим, его объяснение и эмоциональное сопереживание.

Новая космогоническая картина мира, сформированная в сознании советского человека, представляла собой расколотое на два антагонистических лагеря пространство (земное и духовное/небесное), между которыми возможна только беспощадная борьба. Эта «воинствующая» установка превратилась в модус общественного сознания не только революционного поколения, но и его «наследников», сохраняя свое влияние в современной России.

Особенностью советского мифа было активное использование библейских сюжетов, в том числе представлений об Октябрьской революции как акте сотворения нового мира («Десять дней, которые потрясли мир»); коммунизме как воплощенной мечте о рае; эсхатологические представления были обращены в прошлое, которое рассматривалось как темное царство.

В мифологическом цикле особое место занимает миф «сотворения», он объясняет, легитимирует и сакрализует (мотив жертвы) новую власть. Его содержание программировалось властью и идеологией. В канонической форме миф был озвучен и закреплён в тексте «Краткого курса ВКП(б)», который стал эталонным для исторических интерпретаций прошлого³. Основным творцом советского мифа была не только историческая наука, но также искусство и литература, в том числе самое «массовое» из всех искусств – кино. По мнению Е. Добренко, кино и литература в практике сталинской культуры – это основные институты по производству Истории и исторического мифа⁴.

Роль кинематографа в конструировании коллективного сознания и поведения определяется его функциями – это развлечение, воспитание и отражение/познание реальности. Иерархия функций задается внешними факторами: заказом власти (пропагандой), рынком, общественным запросом. В советский период кинематограф был призван, в первую очередь, воспитывать нового советского человека, функция развлечения отходила на второй план, а задачи познания/отражения реальности допускались только в контексте идеологически правильных интерпретаций, что само по себе не могло не повлиять на используемый механизм отражения. Сталинский кинематограф был прежде всего мифотворцем, конструируя коллективные представления о прошлом, настоящем и будущем советского общества, пронизанные идеями

классовой борьбы, революционной жертвенности, мессианской роли Коммунистической партии.

Функции мифотворчества хорошо осознавались кинематографистами того времени, они творили легенду⁵. С. Эйзенштейн считал, что фильмы, и прежде всего революционное кино, должны «перепахивать» психику зрителя, как трактор. Добиться такого эффекта помогали открытия 1920-х гг., к которым относилась теория «монтажа аттракционов» С. Эйзенштейна, нацеленная на создание эмоциональных кадров, шокирующих зрителя; технология интеллектуального монтажа, связанная с созданием образов, вызывающих у зрителя определенные ассоциации и представления⁶.

Особый подход к отражению реальности был характерен практически для всех картин, снятых в раннесоветскую эпоху, но нас интересуют в первую очередь историко-революционные фильмы, посвященные событиям Революции и Гражданской войны. В эту категорию попадали также картины о Первой русской революции и истории революционного движения XIX в.

Таблица 1

Советская фильмография 1917 – 1953 гг.

Период, годы	Всего фильмов	Ретро-спективные фильмы	В том числе		
			Фильмы по досоветской истории	Историко-революционные фильмы/Революция 1917 года	Литературные экранизации
Революционная эпоха					
1917–1923	58	29	5	10 / 1	14
Переходный этап					
1924–1929	251	125	44	49 / 6	32
Сталинская эпоха					
1930–1935	189	38	8	18 / 3	12
1936–1940	179	74	18	27 / 6	29
1941–1945	150	34	12	7 / 0	15
1946–1953	165	64	24	7 / 2	33
Всего	992	364	111	118 / 18	135

Составлено по: «Энциклопедия кино Кирилла и Мефодия», 2003 [электронный ресурс]

Всего в 1917–1953 гг. было снято около 1000 фильмов: ретроспективные фильмы, отражающие события прошлого, составили чуть больше трети (36,7 %); событиям революции 1917 г. было посвящено всего 18 картин, т. е. 15,2 % от общего числа историко-революционных фильмов (см. табл. 1).

События Октябрьского переворота довольно слабо отражены в кинематографе времен революции и Гражданской войны в силу вполне понятных причин. Всего на киностудиях РСФСР/СССР в 1917 – 1923 гг. было снято 58 фильмов⁷, из них 14 (24,1 %) – это экранизации литературных произведений русской классики, созданные в духе критического реализма; 10 (17,2 %) – историко-революционные фильмы, снятые к юбилейным датам – годовщине Октябрьской революции и Красной армии; 5 фильмов было посвящено истории революционного движения (например, Дворец и крепость, 1923, реж. А. Ивановский); и 19 фильмов были сняты на современную тему. К ним относились агитационные картины, посвященные борьбе с голодом, беспризорностью и другим мероприятиям власти.

Историко-революционные фильмы этого времени отличались вполне камерными сюжетами, не претендующими на звание эпических полотен, и преследовали откровенно практические цели: призыв в Красную армию, пропаганду ее военных успехов. Особенно хорошо это прослеживается в серии картин, снятых в 1919 г. к первой годовщине Красной армии (Жизнь – Родине, честь – никому, реж. А. Волков; За Красное Знамя, реж. В. Касьянов; Сон Тараса, реж. Юрий Желябужский; и др.). В целом кинематограф революционной эпохи реагировал на текущие заказы власти, решал агитационные задачи, не связанные с конструированием исторической памяти. Для этого пока не наступило время: еще не закончилась Гражданская война, памятливы были поражения Красной армии, т. е. революция еще не стала «прошлым».

Переходный период раннесоветской истории (1924–1929 гг.) характеризуется особыми условиями развития советской киноиндустрии. Кинопроизводство и кинопрокат хотя и на короткое время, но были поставлены в рыночные условия и развивались на принципах самоокупаемости с частичным допуском частного капитала. Это не могло не отразиться на тематике и жанровых

особенностях советского кинематографа. На Всесоюзном партийном совещании по кинематографии (1928 г.) в одном из докладов отмечалось: «...раньше (до Совкино) советский кинематограф занимался главным образом, изображением гражданской войны и революции, причем сцены фильмов изобиловали сценами боев, пыток, убийств и все устали от такой агитации, раздирающей душу. ...Поэтому установка тематического плана – поменьше крови на экране, эротики и сатизма, побольше бодрых жизнеутверждающих фильмов»⁸.

Всего за шесть лет (1924–1929 гг.) киностудиями СССР был выпущен 251 фильм, из которых половина (50,2 %) была посвящена современным проблемам; 23,5 % – на историко-революционные темы; 12,7 % представляли собой экранизацию литературных произведений. Обращение к прошлому было призвано обосновать и оправдать обострение классовой борьбы в эпоху социалистического строительства. Революция продолжается – вот главный рефрен не только историко-революционных картин, но и фильмов, поставленных на современную тему.

В этот период были сняты картины, заложившие событийную и образную основу советского революционного мифа. Речь идет прежде всего о фильмах С. Эйзенштейна «Стачка» (1924); «Броненосец “Потемкин”» (1925); «Октябрь» (1927), каждый из которых стал классикой историко-революционного жанра и воспринимался современниками как документальное свидетельство прошлого. Кадры из фильма «Октябрь» экспонировались во многих историко-революционных музеях в качестве иллюстрации к событиям 1917 г., были растиражированы в школьных учебниках истории. На них учились и воспитывались поколения советских школьников, в сознании которых образ революции определялся созданными С. Эйзенштейном кинообразами: штурмом Зимнего дворца; марширующими по улицам Петрограда матросами; Лениным на броневике, выступающим перед солдатами и матросами; крейсером «Аврора».

Все фильмы С. Эйзенштейна были юбилейными проектами, призванными реконструировать и увековечить революционные события 1905 и 1917 гг. Первым был снят в 1924 г. фильм «Стачка», открывший галерею эпических фильмов о революции, где в роли главного героя выступает *революционный пролетариат*.

Кадр из фильма реж. С. Эйзенштейна
«Октябрь». 1927 г.
Film frame from Sergei Eisenstein's
film "October." 1927

Кадр из фильма С. Эйзенштейна
«Броненосец “Потемкин”», 1925 г.
Film frame from Sergei Eisenstein's film
"The Battleship Potemkin," 1925

Использованные в фильме приемы кинохроники и «монтажа аттракционов» получили дальнейшее развитие в картине «Броненосец “Потемкин”», ставшей воплощением новой революционной эстетики. В центре фильма – образ *восставшего корабля и революционных матросов*. Этому символу революции, который в дальнейшем был растиражирован пропагандой, противостоит образ врага – тупой и бездушной машины царского самодержавия.

Документальный прием презентации событий Октября 1917 г. стал основным в фильме «Октябрь». Стремясь к созданию яркого образа, режиссер создал свою версию событий⁹. Авторы фильма считали, что основные факты Октябрьской революции общеизвестны и поэтому их задача показать ее историческое значение. Для этого были отобраны определенные эпизоды, выстраивающие логику событий: встреча Ленина у Финляндского вокзала; демонстрация 3–4 июля 1917 г. и ее расстрел; взятие Зимнего дворца. Последняя сцена подверглась наибольшим искажениям: ворота Зимнего дворца, штурмуемые солдатами и матросами, вошли во все учебники истории, хотя в реальности штурма не было.

Фильмы С. Эйзенштейна, дополненные другими юбилейными историко-революционными лентами (Конец Санкт-Петербурга), 1927, реж. Вс. Пудовкин, Мих. Доллер; Москва в Октябре, 1927,

реж. Б. Барнет; Два броневика, 1928, реж. С. Тимошенко), сформировали образ *Революции как народной стихии*, неотвратимо сметающей старый мир. Их особенностью было использование в исторической реконструкции приемов документального кино, отсутствие главного героя – им был народ. Помимо селекции событий в фильмах второй половины 1920-х гг. был задан символический ряд образов революции: рабочий и матрос; красногвардеец; боевой корабль (крейсер «Аврора», броненосец «Потемкин»); броневик/бронепоезд; падение Зимнего дворца (аналогия с Бастилией).

Однако предложенный кинематографом конца 1920-х гг. народный образ революции уже не вписывался в официальную идеологию. Характерно, что фильм «Октябрь» подвергся критике, так как в нем была слабо показана руководящая роль партии. В стране укреплялся авторитарный режим, требовалось отразить решающий вклад вождей в победу революции. Эта задача была решена кинематографом 1930-х гг., в котором эпическая картина событий революции сменяется чередой житейских историй, иллюстрирующих роль личности в истории.

Таким образом, завершающий этап конструирования советского мифа был связан с его персонификацией, соотнесением событий революции с конкретными людьми, их мудростью и проницательностью, позволившими добиться победы. Представления о революции как *народной стихии*, порожденной Историей, заменяются учением о руководящей роли партии, цель которой – установить новый *революционный порядок*. Представления о прошлом и настоящем приобретают бинарную структуру с четким делением реальности на черное и белое, свет и тьму. Свет – это революция, породившая советскую державу, тьма – дореволюционное прошлое, которое живет и мешает строить новое общество. Весь мир делится на «своих» и «врагов» и находится в состоянии борьбы. Победа в этом противостоянии связана не только с жертвой, но и с верой в коммунистическую идею.

Характерно, что *советский кинематограф первой половины 1930-х гг.* был обращен преимущественно к текущим проблемам и событиям. Из 189 фильмов, выпущенных в 1930–1935 гг., 151 (79,9 %) были сняты на современную тему (индустриализация, коллективизация, борьба с кулаками и вредителями); и только

18 картин (9,5 %) можно отнести к категории историко-революционных; 12 (6,4 %) представляли собой экранизацию классических литературных произведений. Таким образом, основная нагрузка падала на фильмы, которые конструировали образ «настоящего», вырастающий из «прошлого» и продолжающий его, перекидывая мостик к будущему.

Среди историко-революционных фильмов этого периода преобладали картины о событиях Гражданской войны («Разгром», 1931, реж. Н. Береснев; «Последняя ночь», 1931–1935, реж. М. Капчинский; «Двадцать шесть бакинских комиссаров», 1932, реж. А. Ибрагимов; «Подруги», 1935, реж. Л. Арнштам; и др.). Несколько юбилейных фильмов было посвящено событиям 1905 г. («Две силы», 1930, реж. Н. Галкин; «Реванш», 1930, режиссер В. Журавлев) и только одна картина – 1917 году («Год рождения – 1917», 1932, реж. Л. Бодик). Акцент в исторических фильмах был сделан на борьбе с врагами, среди которых самые опасные – скрытые враги.

Во второй половине 1930-х гг. темпы роста кинопродукции в целом сохранились, в 1936–1940 гг. было снято 179 фильмов, в том числе 105 (58,7 %) по актуальной тематике, посвященной проблемам колхозной жизни, строительству новых предприятий и городов, стахановскому движению. Выросло число картин, где в центре внимания находятся проблемы частной жизни – любовь, дружба. И это неудивительно, поскольку основной задачей кинематографа предвоенного периода была пропаганда достижений социализма, показ новой жизни, которая «стала лучше и веселее». В фильмах еще присутствуют сюжеты о вредителях и врагах, но одновременно растет число комедий, мелодрам. Возраст героев фильмов заметно молодеет, а вся символика кинообразов дышит весной, молодостью, устремленностью в будущее.

И все же исторический фильм остается одним из основных жанров кинематографа второй половины 1930-х гг. Каждый шестой фильм (15,8 %) был снят на историко-революционную тематику, углубляя и детализируя эпический революционный миф конца 1920-х гг. Выросло и количество картин-экранизаций по литературным произведениям, их число достигло 29 (16,2 %), причем четверть экранизаций составляли фильмы-сказки.

Мифообразующая фильмография 1930-х гг. пополняется галерей образов вождей и героев революции, среди которых центральным стал образ В. И. Ленина, сконструированный и канонизированный в фильмах Мих. Ромма («Ленин в Октябре», 1937; «Ленин в 1918 г.», 1939; «Владимир Ильич Ленин», 1946). Пантеон героев революции и Гражданской войны представлен в фильмах о полководцах («Щорс», 1939, реж. А. Довженко; «Первая конная», 1941, реж. Е. Дзиган, Г. Березко; и др.), среди них особый успех и популярность выпали на долю фильма «Чапаев» (1934, реж. бр. Васильевы). В образе Чапаева, созданном Б. Бабочкиным, удивительно сплелись сразу несколько идеальных типов героя: национального, революционного и былинного. Он стал одновременно олицетворением народной стихии и революционного порядка, победителем и жертвой.

Важную роль в формировании революционной мифологии сыграли фильмы, где главными героями выступали представители различных социальных групп: рабочих, крестьян, интеллигенции, – пришедших в революцию разными путями («Человек с ружьем», 1938, реж. С. Юткевич; «Кремлевские куранты», 1970, реж. В. Георгиев; «Балтийцы», 1937, реж. А. Файнциммер; «Депутат Балтики», 1936, реж. А. Зархи, И. Хейфиц; и др.). Широкую популярность у советского зрителя получила кинотрилогия о Максиме («Юность Максима», «Возвращение Максима», «Выборгская сторона», 1936–1938, реж. Г. Козинцев, Л. Трауберг). Она закрепила образ рабочего-революционера в сознании миллионов людей, приблизив события революции к частной жизни, включив их в историческую память поколения 1930-х гг.

Фильмы, рассказывающие истории обращения в новую веру, можно отнести к мифам преобразования. Каждый из них демонстрировал животворящий смысл коммунистической идеи и ее носителей – большевиков, под влиянием которых крестьянин, рабочий с окраины или профессор становились в ряды борцов за новый мир и сами превращались в «светоносцев».

Немногочисленные картины военных и послевоенных лет на историко-революционную тему, не добавив принципиально ничего нового, тиражировали канонизированный в 1930-е гг. образ революции и Гражданской войны.

Кадр из фильма «Чапаев»,
реж. бр. Васильевы, 1934 г.
Film frame from “Chapaev” directed
by Vassiliev brothers, 1934

Афиша фильма «Выборгская сторона»,
реж. Г. Козинцев, Л. Трауберг, 1938 г.
Film poster of “The Vyborg Side”
directed by Grigori Kozintsev
and Leonid Trauberg, 1938

Таким образом, говоря о роли кино в формировании исторической памяти и конструировании сознания советского человека, следует отметить его сложную природу. Художественные фильмы 1920–1930-х гг. содержат два пласта информации: с одной стороны, они выполняли социальный заказ власти, в некоторых случаях откровенно агитационного характера; с другой стороны – стремились отразить историческую реальность, сохраняя нам образы новой России. Особенностью отражения реальности в этот период, в том числе прошлого, было мифотворчество. Оно инициировалось задачами пропаганды и поддерживалось настроениями в обществе, мечтами «сказку делало былью».

Кино форматирует коллективную и индивидуальную память общества, но по-разному. Если индивидуальная память регулируется механизмами психологической защиты личности, в том числе апеллирует к личному опыту, то коллективная память опирается на информационную инфраструктуру общества и, соответственно, в большей степени поддается управлению и корректировке, т. е. коллективная память мифологизируется в первую очередь и может входить в конфликт с индивидуальной памятью, но рано или поздно адаптирует ее. Для этого и нужен миф.

Примечания

¹ См.: Меерович, М. СССР как мегапроект // Следующий шаг. – 2009. – № 7/8. – С. 77–97. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: http://intelros.ru/pdf/next_step/07/8.pdf (дата обращения: 20.04.2017). MEEROVICH, M. *SSSR kak megaproekt* [USSR as megaproject. In Russ.]. IN: *Sleduyushhii shag*, 2009, no. 7/8, pp. 77–97. [on-line]. Available at: http://intelros.ru/pdf/next_step/07/8.pdf.

² См., напр.: Леонов, С. В. Рождение советской империи: государство и идеология, 1917–1922. – М.: Диалог МГУ, 1997. LEONOV, S. V. *Rozhdenie sovetskoi imperii: gosudarstvo i ideologiya, 1917–1922* [The birth of the Soviet empire: State and ideology, 1917–1922. In Russ.]. Moscow: Dialog MGU publ., 1997; «Время вперед!». Культурная политика в СССР / Под ред. И. В. Глушченко, В. А. Куренного. – М.: ИД Высшей школы экономики, 2013. “*Vremja vpered!*” *Kul'turnaja politika v SSSR. Pod red. I. V. Glushhenko, V. A. Kurenno.* [GLUSHHENKO, I. V., KURENNOI, V. A. (eds.). “Time forward!” Cultural policy in the USSR. In Russ.]. Moscow, ID Vysshei shkoly ekonomiki publ., 2013, 267 p.; и др.

³ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. – М.: ОГИЗ, 1945. *Istoriya Vsesoyuznoi Kommunisticheskoi partii (bol'shevikov). Kratkii kurs* [History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks): Short Course. In Russ.]. Moscow, OGIZ publ., 1945.

⁴ Добренко, Е. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. – М.: НЛО, 2008. – С. 7. DOBRENKO, E. *Muzei revolyutsii: sovetskoe kino i stalinskii istoricheskii narrative* [Museum of the Revolution: Soviet cinema and Stalin's historical narrative. In Russ.]. Moscow, NLO publ., 2008, p. 7.

⁵ См.: Как я стал режиссером: Рассказы мастеров киноискусства о своей работе / Г. В. Александров, Л. О. Арнштам, Б. В. Барнет. – М.: Госкиноиздат, 1946. *Kak ya stal rezhisserom: Rasskazy masterov kinoiskusstva o svoej rabote* [How I became a director: Motion picture masters telling about their work. In Russ.]. Moscow, Goskinoizdat publ., 1946.

⁶ Романова, О. «Октябрь» Эйзенштейна: между художественным изобретением и мифом о революции // Урок истории. XX век. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <http://urokiistorii.ru/learning/method/2549> (дата обращения: 20.04.2017). ROMANOVA, O. “*Oktyabr*” *Eizenshteina: mezhdru khudozhestvennyum izobreteniem i mifom o revolyutsii* [Eisenstein's “October”: Between artistic invention and myth of the Revolution. In Russ.]. IN: *Urok istorii. XX vek* [Lesson of history: 20th century]. [on-line]. Available at: <http://urokiistorii.ru/learning/method/2549>.

⁷ Подсчитано по: «Энциклопедии кино Кирилла и Мефодия», 2003. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://bolshaya-enciklopediya-kirilla-i-mefodiya-2003-bekm-2003.html> (дата обращения: 20.04.2017). Эти цифры следует воспринимать как ориентировочные, поскольку полнота базы данных энциклопедии составила по приближенным оценкам примерно 90–95 %.

⁸ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОСО). Ф. 4. Оп. 6. Д. 475. Л. 31–45. *Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh*

organizatsii Sverdlovskoi oblasti [Center for Documentation of Social Organizations of the Sverdlovsk Region] (TsDOOSO), fond 4, series 6, file 475, pp. 31–45.

⁹ Лебедев, Н. А. «Очерк истории кино СССР. Немое кино (1918–1934). 2-е перераб., доп. изд. – М.: Искусство, 1965. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/kino/23.htm> (дата обращения: 20.04.2017). LEBEDEV, N. A. *Ocherk istorii kino SSSR. Nemoe kino (1918–1934)* [An outline of the history of Soviet cinema: Silent movies (1918–1934). In Russ.]. Moscow: Izdatel'stvo “Iskusstvo” publ., 1965.

Список литературы

«Время вперед!». Культурная политика в СССР / Под ред. И. В. Глушченко, В. А. Куренного. – М.: ИД Высшей школы экономики, 2013. – 267 с.

Добренко, Е. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. – М.: НЛО, 2008. – 424 с.

Лебедев, Н. А. Очерк истории кино СССР. Немое кино (1918–1934). 2-е перераб., доп. изд. – М.: Искусство, 1965. – 373 с. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <http://bibliotekar.ru/kino/23.htm>

Леонов, С. В. Рождение советской империи: государство и идеология, 1917–1922. – М.: Диалог МГУ, 1997. – 356 с.

Меерович, М. СССР как мегапроект // Следующий шаг. – 2009. – № 7/8. – С. 77–97. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: http://intelros.ru/pdf/next_step/07/8.pdf

Романова, О. «Октябрь» Эйзенштейна: между художественным изобретением и мифом о революции // Урок истории. XX век. Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <http://urokiistorii.ru/learning/method/2549>

References

“*Vremja vpered!*” *Kul'turnaja politika v SSSR. Pod red. I. V. Glushhenko, V. A. Kurenno.* [GLUSHHENKO, I. V., KURENNOI, V. A. (eds.). “Time forward!” Cultural policy in the USSR. In Russ.]. Moscow, ID Vysshei shkoly ekonomiki publ., 2013, 267 p.

DOBRENKO, E. *Muzei revolyutsii: sovetskoe kino i stalinskii istoricheskii narrative* [Museum of the Revolution: Soviet cinema and Stalin's historical narrative. In Russ.]. Moscow, NLO publ., 2008, 424 p.

LEBEDEV, N. A. *Ocherk istorii kino SSSR. Nemoe kino (1918–1934)* [An outline of the history of Soviet cinema: Silent movies (1918–1934). In Russ.]. Moscow: Izdatel'stvo “Iskusstvo” publ., 1965, 373 p. [on-line]. Available at: <http://bibliotekar.ru/kino/23.htm>

LEONOV, S. V. *Rozhdenie sovetskoi imperii: gosudarstvo i ideologiya, 1917–1922* [The birth of the Soviet empire: State and ideology, 1917–1922. In Russ.]. Moscow: Dialog MGU publ., 1997, 356 p.

MEEROVICH, M. *SSSR kak megaproekt* [USSR as megaproject. In Russ.]. IN: *Sleduyushhii shag*, 2009, no. 7/8, pp. 77–97 [on-line]. Available at: http://intelros.ru/pdf/next_step/07/8.pdf

ROMANOVA, O. "Oktyabr'" Eizenshteina: mezhdru khudozhestvennym izobreteniem i mifom o revolyutsii [Eisenstein's "October": Between artistic invention and myth of the Revolution. In Russ.]. IN: *Urok istorii. XX vek* [Lesson of history: 20th century] [on-line]. Available at: <http://urokiistorii.ru/learning/method/2549>

Сведения об авторах

Мазур Людмила Николаевна, доктор исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, заведующая кафедрой, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 8-922-202-73-69, Lmaz@mail.ru

About author

Mazur Liudmila Nikolaevna, PhD in History, associate professor, First President of Russia B. N. Yeltsin Ural Federal University, department head, Ekaterinburg, Russian Federation, +7-922-202-73-69, Lmaz@mail.ru

Сведения о грантах

Тема поддержана грантом Российского научного фонда (проект № 16–18–10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

Grant information

This research is supported by a Russian Science Foundation grant (project № 16–18–10106 'The Early Soviet Society as a Social Project: Concepts, Mechanisms of Realization, and Results').

В редакцию статья поступила 18.05.2017 г., опубликована:

Мазур, Л. Н. Конструирование революционного мифа в советском художественном кинематографе. 1917–1953 гг. // Вестник архивиста. – 2017. – № 3. – С. 168–182.

Submitted 18.05.2017, published:

MAZUR, L. N. *Konstruirovaniye revolyutsionnogo mifa v sovetskom khudozhestvennom kinematografe. 1917–1953 gg.* [Designing the Revolutionary Myth: Soviet Feature Films of 1917–1953. In Russ.]. IN: *Vestnik arhivista / Herald of an Archivist*, 2017, no. 3, pp. 168–182.

УДК.94.7

В. В. Синиченко

Восточно-Сибирский институт МВД России,
г. Иркутск, Российская Федерация

В. Ж. Дорохов

Дальневосточный юридический институт МВД России,
г. Хабаровск, Российская Федерация

Деятельность УВД Хабаровского края по обеспечению контроля за мигрантами и гражданами китайской и корейской национальностей на сопредельных с Китаем территориях в 1959–1972 гг.

Vladimir V. Sinichenko

East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Irkutsk, Russian Federation

Vyacheslav Zh. Dorohov

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Khabarovsk, Russian Federation

Activities of the Khabarovsk Krai Internal Affairs Directorate in Ensuring Control over Chinese and Korean Emigrants and Citizens in the Russian-Chinese Cross-Border Region in 1959–1972

Аннотация

В статье анализируются обстоятельства, оказывавшие существенное влияние на миграционную политику СССР, вынужденного в условиях малочисленности собственного населения привлекать на Дальний Восток СССР выходцев из Китая и Кореи. Однако в периоды обострения межгосударственных отношений советские правоохранительные органы проводили достаточно жесткую политику в их отношении, выражавшуюся либо в обеспечении тотального контроля, либо в постепенном выселе-

